

INSPIRIA

СИЛЬВЕЙН РЕЙНАРД

НОВИНКА
ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЕРОВ
NEW YORK TIMES

18+

Читайте книгу –
смотрите сериал
от Passionflix

ОБЕЩАНИЕ ГАБРИЕЛЯ

Эта история разобьет ваше сердце

INSPIRIA

Passion. Инферно Габриеля

Сильвейн Рейнард
Обещание Габриеля

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

Рейнард С.

Обещание Габриеля / С. Рейнард — «Эксмо», 2020 — (Passion. Инферно Габриеля)

ISBN 978-5-04-171437-6

Габриель получает приглашение прочитать серию лекций в Эдинбурге, а значит, он будет вынужден оставить в Бостоне молодую жену и малышку Клэр. Габриель не решается заговорить о поездке с любимой, но даже не догадывается, что и Джулианна с ним не до конца откровенна. Семье угрожает опасность, и непреодолимые обстоятельства заставляют героев идти на жертвы. Габриелю предстоит сдержать обещание и сделать самый сложный выбор в жизни. Впереди — новые испытания. «Превосходное продолжение серии». — Goodreads

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

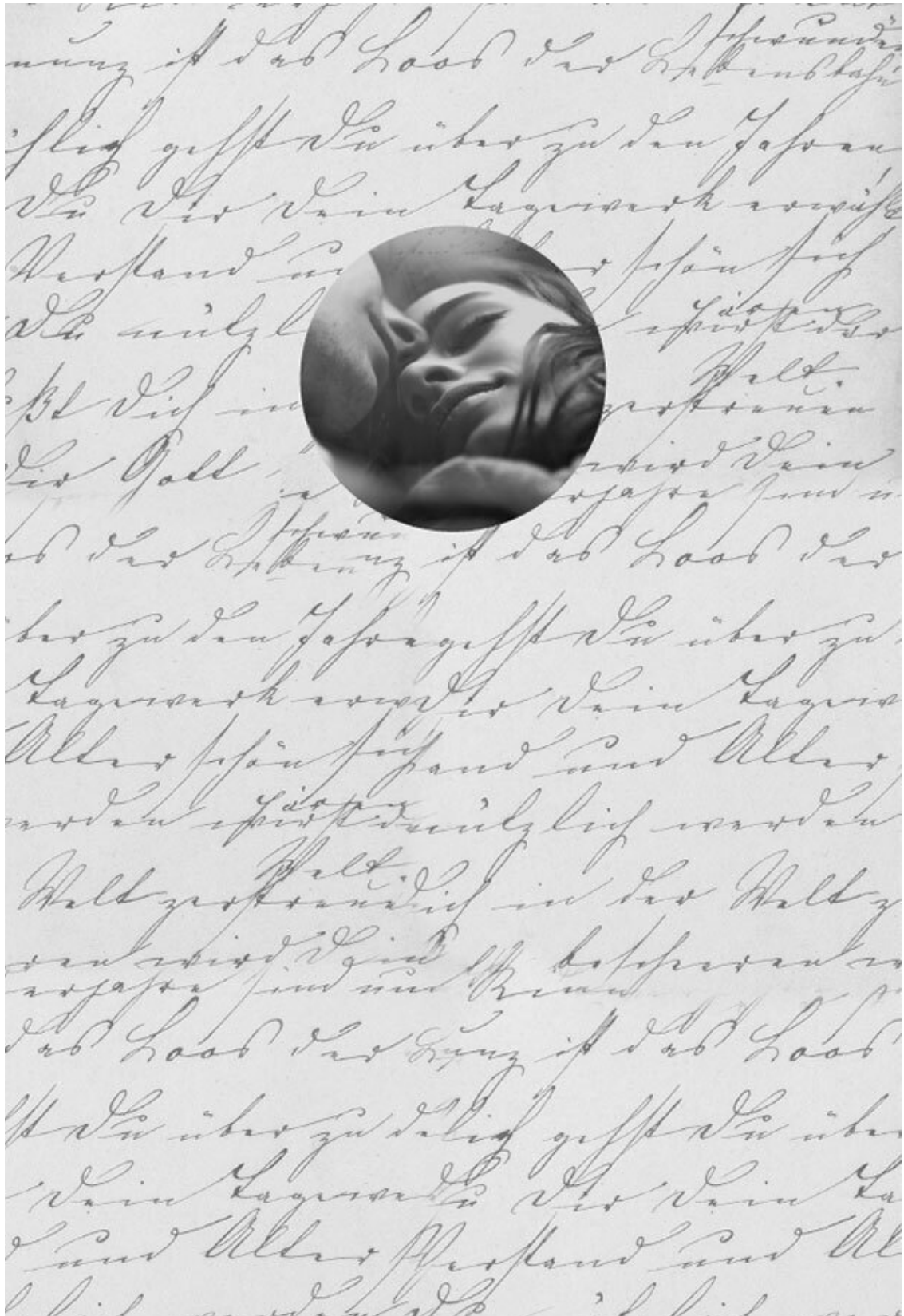
ISBN 978-5-04-171437-6

© Рейнард С., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	9
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сильвейн Рейнард **Обещание Габриеля**

Посвящается всем, кто уже не с нами.

Да не будут они забыты.

Sylvain Reynard
GABRIEL'S PROMISE

Copyright © 2020. GABRIEL'S PROMISE by Sylvain Reynard

В оформлении обложки и суперобложки использована фотография:
© Mikhail_Kayl / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Левин М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

I
ИНФЕРНО ГАБРИЕЛЯ

II
ВОЗНЕСЕНИЕ ГАБРИЕЛЯ

III
ИСКУПЛЕНИЕ ГАБРИЕЛЯ

IV
ОБЕЩАНИЕ ГАБРИЕЛЯ

Пролог

1313 год

Верона, Италия

Поэт остановился. Перо нависло над пергаментом озабоченной птицей.

Слова, которые вложил он в уста своей возлюбленной, осуждали его. Сами чернила его обвиняли.

Работа над «Чистилищем» заставила его по-новому взглянуть на жизнь, изменившуюся, когда не стало *ее*. Он принес в дань Беатриче свое поклонение, свое раскаяние. Но и не только.

Потому что смерть Беатриче не означала конец их любви. Он продолжал ее любить, и эта любовь преображала его.

Птица-перо опустила на пергамент, давая голос горю поэта. В этой жизни он не был достоин своей возлюбленной. Но, быть может, в следующей...

*«Взгляни, о Беатриче, дивным взором
На верного, – звучала песня та, —
Пришедшего по кручам и просторам!
Даруй нам милость и твои уста
Разоблачи, чтобы твоя вторая
Ему была открыта красота!»¹*

В этих строках теперь была его возлюбленная, прекрасная и блистающая. Их любовь осталась жить, но преобразилась и стала глубже. Теперь она принадлежала вечности.

Поэт глядел на город своего изгнания и горевал по далекой родине. Горевал по Беатриче и по тому, чему не суждено было быть.

И надеялся на то, чему быть еще суждено. Возлюбленная открыла ему взор на нечто более далекое, чем она сама, нечто большее, чем земная любовь, нечто внемирное, совершенное, вечное. И он поклялся, очищая собственную душу, что слова, им записанные, будут пророческими, и обещания, данные ей, будут выполнены.

¹ Перевод М. Лозинского. (Здесь и далее прим. ред.)

Глава 1

Сентябрь 2012 года

Больница Маунт-Оберн

Кембридж, Массачусетс

Профессор Габриель О. Эмерсон прижимал к груди новорожденную дочь. Он сидел, откинувшись на спинку стула, рядом с больничной койкой, на которой спала его жена. Вопреки настояниям сестер он отказался положить младенца в стоящую рядом кроватку. Ей безопаснее было в его руках, рядом с его сердцем.

Клэр Грейс Хоуп Эмерсон была чудом. О ней Габриель молил Бога в крипте св. Франциска в Ассизи после свадьбы со своей возлюбленной Джулианной. В то время он не способен был зачать ребенка – результат его собственного отвращения к себе. Но рядом с ним была Джулианна, его Беатриче и его жена, и он молился. И Бог ответил на его молитву.

Девочка шевельнулась, заворочала головой.

Габриель держал ее надежно. Спинка девочки лежала на его большой ладони, ощущавшей ритм младенческого дыхания.

– Мы тебя полюбили раньше, чем ты родилась, – прошептал он. – И с таким волнением ждали, когда ты появишься.

В эту минуту, минуту тихую и нежную, у Габриеля было все, чего он только желал в этой жизни. И если раньше он и был Данте, сейчас он уже им не был: Данте не знал радости женитьбы на Беатриче, не знал восторга рождения плода их любви.

Поэт в Габриеле припомнил странный ход событий, поднявший его из глубин отчаяния на вершины блаженства.

– *«Apparuit iam beatitudo vestra²»*, – процитировал он от души, благодаря Бога, что не лишился жены и дочери, несмотря на осложнения во время родов.

Призрак отца вторгся в это счастье, подсказав вырвавшееся обещание:

– Никогда вас не оставлю. Всегда буду с вами обеими, милье мои девочки, пока я жив.

В полумраке больничной палаты Габриель дал себе обещание защищать, любить и беречь жену и дочь. Чего бы это ни стоило.

² Ныне явлено блаженство ваше. (Перевод И. Н. Голенищева-Кутузова.)

Глава 2

Через неделю

Больница Маунт-Оберн

Кембридж, Массачусетс

Это началось с электронного письма. Мелочь – проверка почты. Одно из самых мельчайших и несущественных действий. Коснулся телефонного экрана – и появились сообщения.

Один мудрый канадец написал однажды: «Носитель и есть сообщение». И в этом случае и письмо, и его содержимое были важны невероятно.

Потому что по углам уже шептались.

Сообщество специалистов по Данте не особенно велико, и профессора Габриеля О. Эмерсона в нем отлично знали. Он был первым в своем выпуске в Гарварде и очень скоро после этого сделал себе имя в Университете Торонто.

Потом он оказался в центре скандала – и второй участницей была его возлюбленная Джулианна, бывшая его аспиранткой. Было разбирательство. Трибунал. Решение. Отставка.

Университет не стал поднимать шума. Джулианна получила диплом и поступила в аспирантуру Гарварда. Габриель согласился занять должность профессора в Университете Бостона. Они поженились 21 января 2011 года.

А шепоток все-таки шел. Исходил он от бывшей аспирантки по имени Христа Петерсон, которая утверждала, что Эмерсон – хищник, а Джулианна – шлюха.

Габриель постарался заткнуть рот Христе и опровергнуть слухи, но все равно за его спиной шептались. Сейчас, через несколько месяцев после второй годовщины, Габриель держал совет сам с собой, не желая выражать свое беспокойство в словесной форме. Честно говоря, он боялся, что испортил Джулианне карьеру. В то время академическое сообщество куда более снисходительно относилось к пожилым профессорам, нежели к молодым аспиранткам.

Габриель это знал. И именно поэтому какое-то время тупо смотрел на полученное сообщение.

Оно было от группы, о которой Габриель слышал, но ни с кем из ее участников не был знаком. Прочел письмо еще раз – удостовериться, что не ошибся.

Странное ощущение овладело им. По коже побежали мурашки, вот-вот должно было случиться что-то судьбоносное...

– Габриель? – перебил его мысли голос Джулианны. – У нас все есть? Рейчел повезла домой цветы и шарики.

Габриель хотел рассказать жене о полученном письме, но его прервало внезапное появление доктора Рубио, акушерки. У нее была привычка возникать внезапно, подобно сероглазой Афине в «Одиссее» Гомера. Доктор Рубио появлялась, что-нибудь произносила – и исчезала, зачастую оставляя за собой бурный кильватерный след.

– Доброе утро! – Она улыбнулась Эмерсону. – Нужно кое-что проговорить до выписки Джулии и Клэр.

Габриель убрал телефон в карман пиджака. Самый большой страх своей жизни он пережил недавно, когда по ошибке решил, что Джулианна не пережила родов. И тревога до сих пор его мучила – как похмелье, от которого не избавиться.

Вот почему он, слушая длинный список инструкций и предостережений от доктора Рубио, быстро забыл об этом очень важном письме и об абсолютной необходимости сообщить жене его содержание.

Глава 3

– Что она там делает?

Профессор в зеркало заднего вида внимательно посмотрел на жену, сидевшую сзади рядом с Клэр. Выражение красивого лица было совершенно мальчишеское, в синих глазах танцевали чертики. Он вез семью домой из больницы, и трудно было сдержать радость.

– Все еще спит.

Джулия склонилась над переноской и осторожно погладила младенца по щечке.

Девочкин рот выпятился во сне розовым бутонем. Прядка темных волос выбилась из-под лилового вязаного чепца – подарок от больницы. Красивая была девочка – носик кнопкой, пухлые щечки. Глаза большие, а когда она благоволила их открыть – индигово-синие.

Сердце Джулии переполнялось радостью. Ребенок здоров, а муж еще более надежен, чем она себе представляла. Как-то даже слишком много счастья для одной женщины.

– Если она сделает что-нибудь симпатичное, скажи мне, – с надеждой попросил Габриель.

– Обязательно, профессор! – засмеялась Джулия.

– Мне нравится смотреть, как она спит, – сказал Габриель задумчиво. Он с черепашьей скоростью вел кроссовер «Вольво» по улицам Кембриджа. – Она восхитительна.

– Папочка, на дорогу надо смотреть.

Габриель бросил на нее взгляд искоса.

– С каких это пор ты так медленно едешь? – поддразнила его Джулия.

– С тех самых, как все, что мне дорого, оказалось в этой машине.

Лицо Габриеля смягчилось, он переглянулся с Джулией в зеркале. У нее замерло сердце.

Габриель оказался таким увлеченным отцом, что это превзошло все ее ожидания. Джулия вспомнила первую ночь в больнице после рождения Клэр. Габриель всю ночь держал девочку на руках и не хотел с ней расставаться.

Когда-то он сказал, что навсегда запомнит Джулианну в ту ночь, когда они любили друг друга впервые. А она до конца жизни будет помнить, как ее муж прижимал к груди их ребенка.

Глаза наполнились вот-вот готовыми пролиться слезами. Чтобы скрыть их, Джулия наклонилась над переноской.

Габриель повернул машину на свою улицу – медленно-медленно.

– Что за чертовщина?

Приподнятое настроение исчезло немедленно – будто корабль наскочил на айсберг.

– Не выражайся, – тихо одернула его Джулия. – Давай не будем учить ребенка плохим словам.

– Если бы она не спала, ей бы тоже захотелось узнать, что это за чертовщина. Посмотри на наш газон.

Габриель направил машину к подъездной дорожке, не сводя глаз с переднего двора участка. Джулия посмотрела туда же.

На лужайке у дома собралось целое скопище розовых пластиковых фламинго. Ужасных розовых пластиковых фламинго. Гигантский деревянный фламинго стоял у входной двери, сжимая в клюве табличку, гласившую:

Поздравляем Габриэля и Джулию! У них девочка!

Маленьких фламинго было столько, что между ними едва можно было разглядеть травинки.

Это было нашествие. Нашествие ярких, кричащих садовых скульптур, выбранных каким-то психом с полным отсутствием хорошего вкуса.

– Твою мать! – воскликнула Джулия.

- Не выражайся, – осклабился Габриель. – Я так понимаю, ты этого не ожидала?
- Нет, конечно. Я даже почти на этой неделе почти не смотрела. Твоя работа?
- Ты думаешь, я мог такое сделать?

Профессор был возмущен. Уж как-нибудь Джулианна должна знать, что его вкус не допустил бы такой пластиковой мерзости.

Но ее замечание ему напомнило про сообщение, полученное еще в больнице. Его содержание было срочным, и надо о нем поговорить с Джулией. Она его отвлекла, рассмеявшись:

- Может быть, они от Лесли, нашей соседки? Или от твоих коллег по университету?
- Сомневаюсь. У них наверняка хватило бы здравого смысла прислать шампанское. Или виски.

И опять он собрался рассказать Джулии о письме. Но когда он заезжал на дорожку, распахнулась боковая дверь и выбежала Рейчел, его сестра.

Она улыбалась во весь рот и была одета в домашнюю футболку и джинсы, на ногах босоножки. Длинные прямые светлые волосы рассыпались по плечам, серые глаза светились.

- Кажется, мы нашли источник этого китча.

Габриель покачал головой.

Джулия тронула его за плечо:

– С ее стороны это очень мило. Она же столько моталась между домом и больницей, так помогла.

- Я знаю, – нахмурился Габриель.

- Пусть ты считаешь, что эти фламинго аляповаты, но попробуй посмотреть шире.

Габриель вздернул подбородок:

- Ладно, постараюсь посмотреть шире.

- Я имею в виду: «Постарайся так, чтобы можно было поверить», – пояснила Джулия.

Габриель нахмурился сильнее, и Джулия, отстегнув ремень, подалась вперед, прижалась губами к его щеке.

- Люблю тебя. Ты чудесный муж и невероятный отец.

Габриель опустил глаза, побарабанил пальцами по рулю. Джулия взъерошила его темные волосы:

- Может, несколько этих фламинго мы себе оставим? Для сада?

Габриель посмотрел на нее бешеным взглядом.

- Я шучу. – Она подняла руки, сдаваясь. – Ну сделай чуть более довольный вид, ладно?

- Ладно.

Габриель шумно выдохнул, выключил двигатель и вылез из машины.

– Что вы так долго? – Рейчел наспех обняла брата и открыла заднюю дверь. – Мы все утро ждем.

Габриель наклонился над открытой дверью, глядя, как Рейчел влезает на заднее сиденье.

– Им надо было осмотреть Джулианну и Клэр перед выпиской. И перед нашим отъездом проверить автомобиль и автомобильную переноску.

– Это понятно, – ответила Рейчел. – Но ведь не три же часа это должно было занять? Вы что, ползли как улитки?

Габриель смахнул с куртки воображаемую соринку. Потом присмотрелся к заднему сиденью.

- Рейчел, минутку, – предупредил он. – Я должен отстегнуть переноску от базы.

- Давай быстрее. Только зайди со стороны Джулии, потому что я с места не сдвинусь. –

Рейчел наклонилась над спящей племянницей и улыбнулась до ушей. – Клэр, привет!

Джулия наклонилась над ребенком – тронуть подругу за руку.

- Фламинго чудесные.

– Я знала, что ты оценишь, – просияла Рейчел. – Папа сомневался, а по-моему, они великолепны. И даже Скотт вложился.

– Надо будет снять Габриеля среди фламинго и послать Скотту.

Рейчел засмеялась:

– Непременно. Он увеличит до постера и повесит у себя на стене.

Джулия сняла с ребенка чепчик, открыв шапочку темных волос. Показала на розовую заколку, которую тщательно пристегнула.

– Клэр надела тот подарок, что ты вчера нам привезла.

– Подходит к розовой пижамке.

Рейчел осторожно тронула головку ребенка, выражение ее лица на миг изменилось. Джулия посмотрела на подругу. В глазах у Рейчел мелькнула печаль, но тут же пропала, и Рейчел улыбнулась спящей племяннице.

– Я тут пару штучек для волос купила вчера вечером. Раз у нее столько волос, их надо будет укладывать.

Джулия кивнула.

– Нести ее придется Габриелю. Мне пока не положено поднимать ничего тяжелее девяти фунтов – из-за швов.

Рейчел глянула на живот подруги:

– Да, это неприятно.

– Никаких неприятностей! – Габриель подмигнул сестре, помогая Джулии вылезти. – Я рад, что ты приехала.

– Я сама рада.

Рейчел смотрела, как он аккуратно вытащил переноску и направился к дому.

– Не спеши так! – Она его догнала. – Я хочу ее понести.

Со смешинкой в глазах Габриель отдал переноску, но сперва сказал, чтобы была осторожнее. Поздоровался с Ричардом – их с Рейчел отцом, – и двое мужчин встали у двери, держа ее открытой.

Джулия вслед за Рейчел пошла в дом.

– Спасибо, что посторожила дом. Понимаю, вышло чуть дольше, чем рассчитывали.

Рейчел, держа переноску двумя руками, ответила:

– Я не собиралась уезжать до вашего возвращения. Аарону работать надо, иначе бы он тоже тут был.

– Все равно большое тебе спасибо. Я знаю, что ты тут на звонки отвечала, принимала курьеров и все такое.

Рейчел пожала плечами:

– Для того и нужны родственницы, Джули. Чтобы друг другу помогать. Мне просто повезло, что немножко дней отпуска осталось. Ребекка тут нас избаловала своей кухней. Вот увидишь, что она на ланч приготовила.

– Отлично, а то я с голоду помираю.

У Джулии уже в животе бурчало. Она вошла в кухню.

На кухонном столе стоял лучший фарфор Эмерсонов, их лучшее серебро и хрусталь. К стулу Джулии привязали розовые гелиевые шары, а центр стола занимал большой букет красных и белых роз. Почти весь кухонный стол был заставлен едой, цветами или подарками в яркой обертке.

– Сюрприз! – сказала, выходя вперед, пожилая женщина с короткими седыми волосами и серовато-синими глазами.

– Кэтрин? – Джулия замахала рукой, не веря.

– Я думал, ты в Оксфорде.

Габриель опомнился от удивления и приветствовал бывшую коллегу поцелуем в щеку.

– Была там. Приехала в Кембридж знакомиться с крестницей. – Профессор Пиктон обняла Джулию и шагнула назад. Глаза ее блеснули. – Можно мне ее поддержать?

– Конечно.

Габриель вынул ребенка из колыбели и успел поцеловать перед тем, как передать Кэтрин.

Клэр открыла большие синие глаза. Кэтрин улыбнулась:

– Здравствуй, Клэр! Я твоя тетя Кэтрин.

Младенец открыл крохотный ротик и зевнул.

– Красивое имя – Клэр, – продолжила Кэтрин, не смущаясь девочкиной сонливостью. – Я думала, что твои родители назовут тебя Беатрис. Но теперь вижу, что ты больше похожа на Клэр.

– Как нам будет интересно! – прошептала Кэтрин ребенку. – Я тебя научу итальянскому и расскажу про Данте и Беатриче. А когда ты подрастешь, повезу тебя во Флоренцию и покажу тебе, где жил Данте.

Девочка будто смотрела на тетю осмысленно. Кэтрин наклонилась к ней ближе и прочла вслух:

*Donne ch'avete intelletto d'amore,
i' vo' con voi de la mia donna dire,
non perch'io creda sua laude finire,
ma ragionar per isfogar la mente³.*

Габриель узнал строки из «Новой жизни» Данте – Кэтрин цитировала его хвалу прекрасной Беатриче.

Джулия замерла.

И вдруг, неожиданно, как разражается гроза над пикником, разрыдалась.

³ Лишь с дамами, что разумом любви владеют, ныне говорить желаю. Я сердце этой песней облегчаю. Как мне восславить имя госпожи? (Перевод И. Н. Голенищева-Кутузова.)

Глава 4

Все затихли, все взгляды обратились к Джулии. Она, закрыв рот ладонью, пыталась подавить всхлипы.

Ричард, Кэтрин, Ребекка и Рейчел стояли потрясенные, не зная, что делать.

– Дайте нам минуту, – тихо сказал Габриель, все так же обнимая Джулию за плечи, вывел ее в гостиную, в тихий уголок у окна.

– Милая, что случилось? У тебя что-то болит?

Он нагнулся озабоченно, вглядываясь в ее лицо.

Джулия закрыла глаза, но слезы все текли. Она покачала головой. Габриель привлек ее к себе:

– Не понимаю. Ты хочешь, чтобы все ушли?

Она снова покачала головой. Габриель прильнул щекой к ее волосам:

– Я не знал, что они все это задумали.

– Шаров тут вдвое больше, – сказала она неразборчиво.

– А гелий опасен для младенцев?

– Нет. Да. Не знаю. – Она схватила его за рубашку. – Не в этом дело. Тут вдвое больше подарков и цветов, чем было в больнице. И еще фламинго на нашем газоне!

– Милая, фламинго я могу убрать. – Габриель поцеловал ее волосы. – Прямо сейчас займусь.

– Не в них дело! – Джулия запустила руку в карман Габриеля, вытащила носовой платок. Помахала у него перед лицом. – Как хорошо, что я это тебе купила.

Она высморкалась.

– Джентльмен всегда имеет при себе платок – как раз на такой случай. – Габриель погладил ее по спине, еще заботливей, чем прежде. – Тебя расстроили фламинго, но ты не хочешь, чтобы я их убирал?

– Кухня набита подарками. Кэтрин приехала из самой Англии и Данте цитирует!

Джулия снова разразилась слезами.

Габриель нахмурился – видеть слезы жены ему было больно.

– Ну конечно, подарки. Новорожденным их всегда дарят. Традиция такая.

– Сколько в кухне моих родственников?

Джулия промокнула нос. У Габриеля сжалось сердце.

– Твой отец и Диана хотели тут быть, но Томми заболел. Ты скоро их увидишь. – Он пальцами стер слезы Джулии. – А в кухне родные, наши родные. Те, кто любит тебя и Клэр.

Она сглотнула слюну.

– Я скучаю по твоей маме. Скучаю...

Габриель вздрогнул, как от боли. В незаконченной фразе Джулии было море страдания. У нее было несчастливое детство с матерью – наполовину жестокой, наполовину равнодушной.

– Мне тоже не хватает Грейс, – признался он. – Я думаю, нам всегда будет ее не хватать.

– Я мать всего пару дней, но люблю Клэр так сильно, что все для нее готова сделать.

Почему же с Шерон так вышло?

Габриель посмотрел на жену:

– Не знаю.

Это была правда. Как, чем можно объяснить безразличие и жестокость? От своего биологического отца он получал и то и другое. И понял наконец, что любая попытка объяснить подобное поведение бесполезна, потому что объяснение чаще всего маскирует оправдание. А оправданий он слышать не желал.

Габриель положил ей руки на плечи, слегка их стиснул.

– Джулия, я люблю тебя. Мы любим друг друга, и мы любим Клэр. Начали мы свою жизнь не с лучшими ролевыми моделями, но подумай, что у нас есть сейчас: все, кто у нас на кухне, потом еще Том и Диана, и Скотт с Тэмми, и все, кого мы любим. Наша задача – создать собственную семью. Для Клэр.

– Она не будет знать, каково это – когда мать тебя не любит, – сказала Джулия, и ее голос прозвучал яростно.

– Не будет. – Габриель обнял ее крепче. – И еще у нее есть отец, который очень любит ее и ее маму.

Джулия вытерла глаза тыльной стороной ладони.

– Прости, что все испортила.

– Ничего ты не испортила. Сегодня твой день. Имеешь право плакать, если хочешь.

Джулия рассмеялась – как солнце выглянуло после дождя. Потом, ни с того ни с сего, привстала на цыпочки – глянуть через плечо Габриеля в окно.

– У нас весь газон уставлен этими фламинго.

У Габриеля дернулись губы:

– Уставлен.

– Мне они даже нравятся.

– Мне кажется, ты сильно недоспала. – Он поцеловал ее в лоб.

– Не знаю, что со мной такое. Мне хочется смеяться из-за этих дурацких фламинго, хочется плакать, потому что у нас такая классная родня. И есть хочется.

– Доктор Рубио предупреждала, что выздоравливать ты будешь дольше обычного – из-за осложнений. И ты каждые два-три часа кормила девочку. Естественно, что ты проголодалась.

– И одного фламинго я хочу в детскую.

Габриель вскинул голову.

Такой фламинго начисто загубит всю эстетику, что мы так тщательно создавали, подумал он. *Это будет преступлением против дизайнерского искусства.*

И сменил тему:

– Может, тебе поспать, а я всех разгоню по домам?

– Трудно будет. Кроме Кэтрин, все они сейчас живут у нас.

– Тоже верно.

– Так у кого же из нас недосып, профессор?

Джулия улыбнулась и взяла его за руку.

Габриель другой рукой потер лоб.

– Закажу им номера в «Леноксе». Хороший отель.

Джулия с озабоченным видом посмотрела в его честные синие глаза.

– Не прогоняй их. Со мной все хорошо. Нет, правда.

Габриель посмотрел на нее скептически. Она прильнула к нему, и вдруг на него нахлынуло воспоминание: Джулия в родильном зале. Она лежала на каталке, бледная, тихая-тихая. Докторша орала на сестер, чтобы вывели его из помещения.

Он подумал, что она умерла.

Сердце засбоило, Габриель приложил руку к груди. Джулия взглянула на него пристально:

– Что с тобой?

Он моргнул:

– Полный порядок. – Он скрыл волнение, крепко ее поцеловав. – О тебе волнуюсь.

Джулия собралась ответить, но тут послышалось покашливание.

Они оба обернулись: в дверях стояла Ребекка, домоправительница и друг семьи – высокая, на голове пучок темных с проседью волос, соль-с-перцем, большие темные глаза.

Ребекка подошла к ним и обеспокоенно посмотрела на Джулию:

– Ты как?

– Нормально. – Джулия развела руки в стороны. – Просто глаза на мокром месте.

– Это гормоны. – Ребекка потрепала ее по плечу. – Организм не сразу вернется к норме.

Еще много раз настроение будет мотаться вверх-вниз.

– А!

Лицо Джулии успокоилось, будто слова Ребекки стали откровением.

– Со мной то же самое было, когда у меня сын родился. Я то смеялась, то плакала. Но постепенно все улеглось, не переживай. Хочешь лечь? Ланч можно отложить.

Джулия посмотрела на Габриеля – он поднял брови.

– Нет, я хочу всех видеть, – сказала она. – И есть хочу.

Джулия голодными глазами посмотрела в сторону кухни.

– Ланч почти готов. Не торопись.

Ребекка обняла Джулию и скрылась в гостиной.

– Забыла я про эти гормональные флуктуации. – Джулия взглянула на Габриеля. – У меня такое чувство, будто я потерялась.

– Ничего подобного, – твердо возразил он. Взял Джулию за подбородок, нежно поднял к себе ее лицо и поцеловал медленно и сладко. – Мы не можем потеряться, пока мы друг у друга есть.

Джулия ответила на поцелуй.

– Я так рада, что ты здесь. Понятия не имею, как бы со всем этим одна справлялась.

Габриель сжал губы. Он опять вспомнил то важное письмо, но решил, что сейчас неподходящий момент о нем говорить. И показал рукой на окно:

– У нас там на газоне – тысяча и один фламинго. Нельзя сказать, что ты одинока.

Джулия глянула в очень-очень серьезное и слегка раздраженное лицо Габриеля. И разразилась взрывом смеха.

Глава 5

Габриель смотрел волком на миллион металлических наконечников, винтов и пластиковых деталей, с военной точностью выложенных вдоль ковра детской. (Следует отметить, что никаких фламинго здесь видно не было.) Потом испепеляющим взором взглянул на коробку, где была лихо изображена подвесная колыбель, и снова мрачно уставился на разложенные детали.

– Твою ж...

За спиной кашлянули.

Габриель обернулся – в дверях стоял Ричард, держа на руках Клэр. Ребенок был беспокоен, и Ричард изо всех сил старался ее уговорить, прижимая к себе и укачивая.

– Где Джулия?

Габриель подошел к дверям и осторожно тронул детскую головку.

– Наслаждается более чем заслуженным сном. Клэр полагалось бы тоже спать, но она не хочет. Я сказал, что похожу с ней и попробую ее укачать.

Ричард говорил тихо, успокаивающим тоном, круговыми движениями поглаживая спинку ребенку.

– Давай я ее возьму.

Габриель протянул руки.

– Нет-нет. Я со своей новой внучкой готов проводить столько времени, сколько будет возможно. Но мы тебя возьмем в компанию. – Ричард аккуратно обошел все металлические детали и встал у окна. – Как, получается?

Габриель неопределенным жестом показал на засыпанный ковер.

– Воюю с колыбелью.

Ричард засмеялся:

– И мне приходилось. И велосипеды собирать, и совершенно невозможные игрушки на Рождество. Мой совет: заткни пасть инстинкту, подсказывающему разобраться самому, и делай по инструкции.

– У меня диплом Гарварда! Уж как-нибудь разберусь, как собрать детскую колыбель.

– У меня диплом Йеля. – В серых глазах Ричарда мелькнули искорки. – Но опыт подсказывает, что надо читать инструкции.

Габриель сухо улыбнулся:

– Не могу допустить, чтобы выпускник Йеля меня переплюнул. – Он сунулся в большой ящик и достал брошюру с инструкциями. Поправил очки. – Тут на китайском, испанском, итальянском и немецком.

– Я такую собирал, когда мы с Грейс привезли домой Скотта. Всю ночь с ней возился и приделал ножки задом наперед. Так и не сообразил, почему нет равновесия, пока Грейс не исправила.

Габриель хмыкнул и всмотрелся в тексты в брошюре:

– По-итальянски ерунда выходит. Наверняка наняли переводчиком первокурсника. Надо будет написать компании рекламацию.

Ричард посмотрел на сына с едва скрываемой усмешкой:

– Сначала, наверное, надо собрать. – Он кашлянул. – Скотт родился с куда меньшими трудностями, чем Клэр. Несколько минут назад видел Джулию, она выглядела бледной.

Габриель положил инструкцию:

– Пойду ее проведаю.

– Рейчел там была, поправляла подушки и задергивала шторы. Но тебе, наверное, стоит пойти ее навестить.

Габриель протер глаза за очками:

– Роды пошли не так, как ожидалось.

Ричард наклонил голову – посмотреть на Клэр. Ее глаза были закрыты. Он стал качать ее медленнее, но не перестал.

– Джулии нужны будут забота и сильная поддержка. Ты в отпуске или...

– А, вот по-английски.

Габриель опустил голову, чтобы скрыть лицо, и стал читать инструкцию.

– Да, в отпуске по рождению ребенка.

Ричард поднял голову:

– Джулия собирается возобновить учебу в сентябре, да? А ты будешь преподавать?

Габриель ошетинился:

– Это моя профессия.

Учитывая полученное утром сообщение, он вряд ли будет преподавать в следующем году в Бостонском университете. Почти наверняка не будет. Но об этом факте он не мог сообщить никому, включая Джулию.

Он присел и начал собирать детали согласно напечатанной инструкции.

– Мы рады, что вы с Рейчел смогли приехать к нам пожить. На этой неделе мы собираемся окрестить Клэр, а Рейчел хотели попросить в крестные.

– Не сомневаюсь, она будет в восторге. А я рад, что мы сможем присутствовать на крещении. – Ричард, видимо, обеспокоился, заметив, что сын явно пытается сменить тему. – Как ты вообще справляешься?

– Нормально, – нетерпеливо ответил Габриель. – С чего бы вдруг нет?

– Отцовство – большая ответственность, – мягко заметил Ричард.

Габриель сидел на корточках, глядя в ковер.

– Да. – Он выдохнул. – А как ты понял, каково быть отцом?

– Не сразу. Делал ошибки. Но Грейс – невероятная мать. У нее природный инстинкт родительства. И мне повезло самому иметь превосходных родителей. Они умерли до твоего рождения, но создали дом, где царили любовь и забота. Я пытался создать такой же вам, детям.

– У тебя получилось.

Габриель взял с пола металлическую ногу и стал вертеть ее в руках. Ричард продолжал:

– Быть родителем – обязательство. Ты обязуешься любить своих детей, что бы ни случилось. Ты обязуешься защищать их от опасностей. Ты обязуешься их обеспечивать, их учить, их наставлять. И с Божьей помощью, с массой терпения и тяжелой работы ты эти свои обещания выполнишь.

Габриель что-то промычал и положил металлическую ногу на ковер. Потянулся за мотором колыбели.

Ричард устроил Клэр так, чтобы она лежала у него на руках спиной.

– Ты тревожишься, каким ты будешь отцом?

Габриель пожал плечами.

– Ты выбрал в жены Джулию. Она чудесная женщина и идеальный для тебя партнер. Вы с ней наладите жизнь, а я всегда буду готов вам помочь. Я каждый день благодарю Бога, что у меня есть вы, дети, а еще сын Тэмми и Скотта, а теперь еще и Клэр. Как же мне повезло – быть таким молодым дедом и радоваться внукам.

Габриель отложил мотор и начал соединять две большие металлические детали. Ричард устроился в большом кожаном кресле в углу, держа на руках спящую Клэр.

Габриель взглянул на свою дочь, на надежно держащие ее руки отца.

У Ричарда на пальце все еще было обручальное кольцо. Габриелю хотелось, так хотелось сказать Ричарду, что в больнице ему снилась Грейс. Но даже через три года после смерти жены

Ричард все еще носил печать горя – сеть глубоких морщин на лице и седину в волосах. Так что о явлении ему Грейс Габриель решил промолчать.

Он соединил подставки с вертикальными стойками опоры.

– Во время родов начались осложнения. Меня выставили из зала. Потом дали мне Клэр, но Джулию не показали. Я думал, что она умерла.

– Сын... – Голос Ричарда сорвался.

Габриель сунул руку в ящик с инструментами, взял отвертку, начал затягивать болты.

– Как ты справляешься? – спросил он.

Ричард нежно, чтобы не разбудить, тронул головку Клэр.

– Если коротко – справляюсь. Но прежней жизни уже не будет. Принятие освобождает, – продолжал он. – Я понимаю, что изменилось все, и стараюсь свои взгляды изменить соответственно. Но все равно я по ней горю. Горю по ней, по несбывшемуся. Время идет, горе слабеет, но не исчезает никогда, а я научился с ним не бороться. Я утратил любовь всей своей жизни, и эту потерю буду ощущать всегда.

– Она иногда является ко мне во сне. Но только в нашем доме. И меня это утешает.

– Мне жаль, что я не был тогда с тобой.

Ричард посмотрел недоуменно:

– Но ты же был?

– Не совсем. – Габриель погрузился в сборку колыбели, навинчивая на ножки распорки, чтобы конструкция не шаталась. – Я тогда погряз в собственном эгоизме.

– Когда умерла Грейс, ты пришел и сел со мной на землю.

Габриель поднял брови.

– Из Библии, книга Иова, – пояснил Ричард. – Друзья Иова услышали о его страданиях и пришли навестить его.

– Друзья Иова не такие уж герои, – возразил Габриель.

Он присоединил мотор к опорам и убедился, что конструкция не опрокинется.

– Тоже верно. Но когда они увидели Иова, сидящего на земле, то пришли и сели с ним. И не говорили ни слова семь дней, потому что видели, сколь велика его скорбь. – Ричард подождал, пока Габриель посмотрит ему в глаза. – Когда умерла Грейс, ты пришел и сидел на земле со мной.

Габриель промолчал. Чувства кипели в его груди. Взяв гаечный ключ, он затянул болты, крепящие мотор к опорам.

– Я часами размышлял о своей утрате. Но часами же и вспоминал счастливые времена. И заключение, к которому я пришел, таково: лучшее, что мы можем друг для друга сделать, – это быть рядом и любить. – Ричард замолчал, наклонился и поцеловал Клэр в макушку. – Когда моя внучка капризничает, я могу ее обнять. Когда Рейчел горюет, могу ее утешить. Когда моему сыну и его жене нужна лишняя пара рук или выражение поддержки, я буду с ними. Время, любовь, поддержка – вот это самая суть того, что значит быть родителем.

Ричард улыбнулся:

– Ты входишь в новую фазу семейной жизни. Да, будут трудности. Но ими ты займешься, когда они появятся. Думай о настоящем, и пусть тревоги о будущем не портят тебе радость.

Габриель был занят перемещением конструкции с ковра на шкаф. Сел оценить свою работу.

– Отличная работа, Гарвард!

– И правда отличная. – Серые глаза Ричарда смеялись. – Ты собрал все, только колыбель не прикрепил.

Габриель в отчаянии посмотрел на собранный аппарат. Обернулся – притаившаяся колыбель лежала у него за спиной. Обеими руками он схватился за волосы:

– Бллл... лин!

– Такова отцовская доля, – усмехнулся Ричард.

Глава 6

Перед самой полночью Габриель почти бесшумными шагами обошел темный дом. Он всегда так делал перед сном.

Проверил, что все двери заперты, пошел проверять окна.

Выглянув в окно, выходящее на Фостер-плейс, он заметил медленно едущую машину. Черная, ничем не примечательная. Но на Фостер-плейс машины бывают редко, потому что здесь тупик. А имеющиеся два парковочных места доступны только для жителей.

Машина замедлила ход, проехав мимо Габриеля, доехала до тупика и еще раз проехала мимо на черепашьей скорости. Передний номер был заляпан грязью, стекла тонированы.

Габриель посмотрел вслед машине, которая свернула на соседнюю улицу, потом задернул оконную штору. И пошел проверять первый этаж.

Месяца за три до того Джулия решила украсить дом фонарями, в каждом из которых имелась свеча без пламени. Эти фонари давали теплые волны мягкого света. Расположила она их стратегически – по одному в каждой комнате, один у основания лестницы, один наверху, один рядом с детской на втором этаже и еще один – снаружи гостевой ванной. Фонари были запрограммированы включаться в сумерках и светить до утра.

Габриель минуту полюбовался приятным переливом фонарей, восхищаясь, как они сдерживают тьму. Он про себя похвалил Джулию за предусмотрительность: никто теперь не споткнется на лестнице или по дороге в детскую. Мелочь, быть может, зажечь фонарь. Но Габриелю это действие казалось все более и более значительным, когда он прикидывал, каков был бы этот вечер, если бы Джулианна не выжила в родах.

Молитва Габриеля была спонтанной, как переполнявшая его благодарность за свою семью. Как любовь Джулианны к нему.

Убедившись, что дом надежно закрыт, он поднялся по лестнице. Остановился возле детской и включил свет. Новая колыбель гордо стояла посреди комнаты, набитой подарками и детскими вещами. А над шкафом Ричард большими белыми буквами написал имя Клэр.

Габриель улыбнулся и выключил свет.

В главной спальне причудливый свет ночника рисовал розовые звезды над той половиной кровати, где спала Джулианна. Сама Джулия свернулась под одеялом калачиком. Детский манеж стоял чуть поодаль. Клэр лежала завернутая в мягкую материю в колыбели, надежно закрепленной на приподнятом полу манежа.

Габриель слегка тронул ее лоб, тихо, чтобы не разбудить.

– Папа тебя любит.

Он повернулся к спящей жене и поцеловал ее волосы. Быстро оглядел обстановку, остановив взгляд на большой репродукции картины Генри Холидея, изображавшей Данте и Беатриче, на стене напротив кровати. Снова всмотрелся в лицо Беатриче, отметив поразительное сходство своего кареглазого ангела с возлюбленной поэта.

Он перевел взгляд на большие черно-белые фотографии его самого и Джулии: их он делал с самого начала, как только они стали жить вместе. Были, конечно, и другие. У него в кабинете висели целые серии снимков, где было видно, как красиво менялось тело Джулианны на всех этапах беременности. И сотня цифровых фотографий Клэр, снятых в больнице и сохраненных на компьютере.

Но сейчас он с нежностью глядел на старую фотографию, где Джулианна грациозно изогнула шею, а его руки гладят ее длинные каштановые волосы. И на фотографию Джулии на краю ванны: изящная спина и чуть видна сбоку одна грудь.

В нем возникло желание. Желание соединения тел – то, что было невозможно в последние недели. Любовь научила его терпению, и он не будет таким эгоистом, чтобы сейчас давить

на нее своими потребностями. Но профессор Эмерсон не был терпеливым человеком. И естественной склонности к celibату в его характере тоже не имелось. Чем больше думал он о жене, чем больше смотрел на ее роскошное и красивое тело, тем сильнее росло желание.

Габриель потер глаза.

Еще пара дней. До Джулии у меня бывали месяцы целомудрия, и я был женат. Еще пару дней как-нибудь переживу.

Застонав, он прошел к своей стороне кровати возле окна. Он привык спать голым, но это теперь стало недопустимым. Нахмурившись, как угнетенный, он стащил с себя футболку и отбросил ее, оставшись в одних пижамных штанах. И натянул одеяло снова.

Тут же подпрыгнул, чертыхнувшись.

Прямо у него на подушке лежал здоровенный пластиковый фламинго. Птица на него смотрела в упор с безумной ухмылкой.

Габриель выругался.

На другой стороне кровати захихикали.

Включив лампу, Габриель хмуро уставился на жену:

– Et tu, Brute?⁴

– А что такое?

Джулия перевернулась к нему лицом, изображая, будто только что проснулась. Но серьезного лица не удержала.

Габриель скривился, взял газонную игрушку двумя пальцами и стал с отвращением рассматривать.

– Да ладно, брось! – рассмеялась Джулия. – Это же весело.

Он наморщил нос, поставил фламинго на пол. И отпихнул в сторону ногой.

– Надеюсь, ты его хоть обтерла, когда из земли вытащила.

– Уж и не помню. – Она подмигнула.

Он ощупал наволочку сверху вниз.

– Надо постельное белье сменить.

Она вновь улеглась.

– Поздно. Клянусь, я его вымыла перед тем, как положить тебе на подушку.

Габриель посмотрел на нее с сомнением. Она похлопала ладонью по простыне с его стороны.

– Смотри, все чисто и хорошо. Ложись спать, день был трудным.

Он посмотрел в ее усталое, но ожидающее лицо и поднял глаза к небу. Покачал головой.

– Ладно. Но утром я постель сменю. И все продезинфицирую.

Габриель что-то вынул из ящика ночного столика и спрятал в ладони. Не выключая свет, залез под одеяло.

– Наверняка это Рейчел тебя подговорила.

– Нет, – зевнула Джулия, – сама додумалась.

Он привлек ее к себе и поцеловал в висок.

– Люблю слышать твой смех, – сознался он. – И видеть улыбку.

Джулия прижалась к нему.

– Прости, что я плакала. Просто усталая была и потерянная.

– Я за тебя беспокоился.

– Все у меня нормально.

– У тебя нет причин быть усталой и потерянной. Потому что у тебя есть я.

Она положила голову на его обнаженное плечо.

– Это хорошо, потому что ты мне нужен. И Клэр ты тоже нужен.

⁴ «И ты, Брут?» (лат.)

Габриель зарылся лицом в ее волосы.

– Каждый день – это дар. И я клянусь, что его не растрочу.

– И я клянусь.

Он взял ее за левую руку.

– Хотел тебе кое-что дать в больнице, но там мы совсем не были наедине. Потом хотел отдать тебе дома, но как-то момент был неподходящий.

Джулия подняла голову:

– И что это?

Он положил ей в руку коробочку, синюю, как яйцо малиновки.

Джулия тут же села, развязала белую ленточку и открыла крышку. В ней лежала бархатная коробочка поменьше. Габриель взял ее и открыл, протягивая Джулии.

Внутри находилось кольцо с большим овальным рубином, окруженным двумя круглыми бриллиантами. Само кольцо было платиновое и напоминало обручальное кольцо Джулианны. Габриель надел это кольцо жене на безымянный палец.

– Это подарок в память того огромного дара, что ты преподнесла мне. Рубин – это ты, сердце нашей семьи, а бриллианты – мы с Клэр. Вместе мы семья.

Он наклонился, приложился губами к основанию пальца.

– Красивое! – прошептала Джулианна и в восхищении посмотрела на мужа. – Даже не знаю, что сказать.

Габриель сдвинул брови:

– Но тебе нравится?

– Невероятно. Оно восхитительно. Но самое важное – я люблю то, что оно символизирует. – Джулия смотрела на кольцо. – И оно как раз по размеру.

– Мне пришлось оценивать размер по другим твоим кольцам. Но всегда можно подогнать.

Он коснулся кольца большим пальцем, проверяя, как оно сидит.

– Не могу поверить. Огромное тебе спасибо!

Она поцеловала Габриеля еще раз.

Габриель взял коробочки и ленты и положил на ночной столик. Выключил свет.

– Когда теперь кормить девочку?

– Скоро уже. Я будильник на телефоне поставила.

Габриель устроился под одеялом и привлек к себе Джулию.

– Потом разбуди меня, я сменю пеленки. И ты сможешь быстрее лечь обратно.

Джулия согласно промурлыкала и подняла руку, рассматривая кольцо в полутьме.

– Ага, а то я совсем без сил.

– Так спи тогда, – усмехнулся Габриель.

– А я теперь не хочу. Это все из-за фламинго.

Габриель засмеялся, жена тоже усмехнулась. Но смех стих, и Габриель смотрел в большие выразительные глаза Джулии. Что-то прошло между ними.

Он импульсивно перевернул Джулию на спину. Провел по бровям кончиками пальцев.

– Беатриче...

Когда их губы встретились, она вздохнула.

Электричество, возникшее между ними, не уходило. Габриель не торопился. Губы его отдавали дань поклонения ее губам.

Поцелуй становился все горячее, рука Габриеля гладила бедро Джулии через ночную рубашку. Он нежно дразнил ее языком, и Джулия застонала. Поощренный этим, Габриель продолжал этот танец, и губы его были тверды, настойчивы.

Его рука сдвинулась вверх, застыла над ее грудью. В глазах его был вопрос.

– Твой дар следует отпраздновать, – шепнула она. – Я по тебе скучала.

Габриель широко улыбнулся, его рука птицей порхала на ее груди.

Лицо Джулии слегка изменилось.

– Но еще рано. У меня грудь болит и там, вокруг разреза, и ниже – тоже. Резко остановившись, Габриель опустил руку на матрас возле бедра жены.

– Прости.

Рука Джулии сместилась к его бедру и стала скользить вверх.

– Я могу тебе помочь.

Он перехватил ее запястье:

– В другой раз.

Поднеся к губам ее руку, он поцеловал бледную кожу, натянутую над синими жилками вен.

Джулия вздохнула с усталостью и досадой. Головой приникла к плечу Габриеля.

– Ты уверен?

– Уверен. Что я для тебя могу сделать?

– Ничего. – Она заставила себя улыбнуться. – Шесть недель – и я буду в порядке.

Шесть недель? Это что ж за адские мучения?

Габриель медленно моргнул. Где-то в глубинах памяти с повелительной интонацией Афины всплыли слова доктора Рубио, что с сексом необходимо повременить. Но тогда он еще не осознал, насколько это будет долго.

– Я бы обязательно, если бы могла, – извиняющимся тоном сказала Джулия. – Прости меня.

Этот серьезный тон отвлек его от воспоминания.

– Не за что тебя прощать. – Он нежно поцеловал ее в нос. – Ну-ка...

Габриель подsunул под нее руки и осторожно помог перевернуться на бок, спиной к себе. Сам прильнул к ней, запустив пальцы в ее волосы. Почувствовал, как от его прикосновений ее отпускает напряжение.

– Я тебе спинку почешу. – Его руки нежно скользнули по ее плечам, по спине. Кожа к коже, он ласкал ее. Встретив напряженную мышцу, разминал. – Как тебе?

– Потрясающе.

Она расслабленно лежала на матрасе.

– А так?

Он сосредоточился на ее правом плече.

– Ощущение приятное.

– Ну вот и ощущай, любимая. Я буду здесь. С тобой. – Он нежно, медленно, целомудренно поцеловал ее между лопатками, почувствовал, как дрогнуло ее тело под губами. – Я буду хорошим, обещаю.

Он знал ее тело. Знал, как сделать так, чтобы удовольствие охватило ее до самых кончиков пальцев. Но сейчас он хотел лишь одного – окружить ее заботой и чтобы она заснула.

Она тихо простонала, не открывая глаз.

Руки Габриеля спустились к пояснице. Он внимательно разминал ее мышцы, пальцы будто что-то шептали ее коже.

Дыхание Джулии выровнялось, и вскоре стало понятно, что она уснула.

Габриель продолжал ее ласкать, но уже легче.

– Твоя любовь лучше вина, – произнес он в темноте. – Никогда не перестану я желать тебя.

Последней лаской он поцеловал ее в плечо и осторожно положил руку на изгиб ее бедра. Вздохнул и поднял к небу печальные глаза.

– Даруй мне чистоту помыслов, Господи! Хотя бы на ближайшие шесть недель.

Глава 7

Тишину разорвал детский плач.

Габриель не сразу стряхнул сонную одурь – так пловец вырывается из-под воды на поверхность. Лежащая рядом Джулия перевернулась, слышно было, как она нашаривает телефон.

Она застонала.

– Уже пора? – спросил он хриплым, заспанным голосом.

– Еще час остался.

Джулия рухнула на подушку и прикрыла глаза руками.

– Я пойду.

Габриель откинул одеяло.

– Да нет, я справлюсь.

– Отдыхай пока, я посмотрю, что с ней.

Джулия медленно натянула одеяло на голову.

Габриель подошел к манежу, взял плачущую Клэр на руки. Когда он прижал девочку к голой груди, та затихла, но тут же начала снова.

Он быстро вышел в детскую, приговаривая и покачивая ребенка, но девочка продолжала плакать даже при включенном свете. Габриель не различал виды плача – пока что. Для него любой плач звучал одинаково, и он не мог понять, что хочет ребенок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.